

В мире магов близнецы всегда считались единым целым. Разве не естественно в таком случае желать слияния со своим братом? Для него это казалось единственно верным, предопределённым исходом.

Жаль только, что брату до этого не было дела. Он даже не подозревал об их истинной связи, наивно принимая Кэндзяку за младшего братишку и трогательно о нём заботясь.

А ведь Кэндзяку помнил себя ещё до рождения. В его памяти отчётливо запечатлелось, как А-Эр, находясь в материнской утробе, жадно пожирал всё вокруг, а потом попытался прибрать к рукам и его.

Ах, почему же брат тогда не довёл дело до конца? Почему не съел его?

Если бы это случилось, они бы обрели истинное, абсолютное единство.

В прежние времена, когда они ещё укрывались в лесной глуши, А-Си впервые открыла им своё сердце и рассказала о сестре-близнеце.

А-Си с сестрой родились в самой обычной рыбацкой деревушке. Но однажды туда нагрянули разбойники и умыли её кровью. Сёстры жили на окраине, поэтому им чудом удалось уцелеть и сбежать.

В те жестокие времена оставаться одной было верной гибелью, и они решили перебраться в другую деревню. Но в пути её сестру настигло проклятие. Малышка тяжело заболела и угасла, так и не добравшись до нового дома.

Для той беспощадной эпохи это был самый заурядный день — никто и ухом не повёл бы из-за смерти шестилетней сироты. Но для А-Си в тот миг рухнул мир.

Ей хотелось умереть вслед за ней. Они родились близнецами, пришли в этот мир в один день — значит, и уйти должны были вместе.

Но сестра перед самой кончиной оставила ей страшное напутствие — проклятие, обрёкшее её на жизнь.

А-Эр обожал рассказывать А-Си и Кэндзяку разные сказки, легенды и притчи. Вот только о близнецах он никогда не упоминал. Когда А-Си однажды спросила об этом, А-Эр лишь замялся: почти все предания о двойняшках, что он помнил, кончались скверно, и он не хотел беречь чужие раны. Но А-Си не отступала, и тогда Кэндзяку сочинил историю сам.

Проклятые близнецы, испив чашу страданий до дна, решили умереть под корнями того самого дерева, под которым когда-то появились на свет. Шли годы, сменялись сезоны, и однажды из их истлевших тел родилось совершенно новое существо. Так они наконец обрели долгожданное

единство.

А-Си эта выдумка пришлась по душе, а вот А-Эр лишь покачал головой — история показалась ему слишком мрачной и кровавой для детских ушей.

Тогда-то Кэндзяку впервые и подумал: «Брат никогда нас не поймёт».

Или как в тот раз, когда он случайно поймал птицу. Кэндзяку рос слабым и болезненным, куда слабее А-Си, и лесная живность вечно ускользала от него, не говоря уже о пернатых.

Он вовсе не собирался её есть — лишь с замиранием сердца раздумывал, как бы препарировать это крохотное существо, чтобы изучить его до мельчайших костей.

Но А-Эр отобрал у него птицу и мягко отчитал, сказав, что к экспериментам можно возвращаться лишь тогда, когда научишься ценить чужую жизнь.

Кэндзяку искренне не понимал претензий. Разве его любопытство не было высшей формой почтения? Точно так же его брат нежно касался проклятых духов и ласково вкладывал их, бьющихся в агонии, прямо ему в рот.

«Мы ведь близнецы, так почему же мы столь разные?» — недоумевал Кэндзяку. Впрочем, некоторые люди, должно быть, просто рождаются иными.

Чтобы не навлечь на себя гнев брата, Кэндзяку научился притворяться и сдерживать свои порывы.

Он любил его. Любил так же сильно, как собственную душу.

И пусть им не дано было понять друг друга — это не имело значения. В мире магов близнецы неразделимы, они — одно существо. А значит, им суждено вечно быть вместе.

А-Си, напротив, разделяла его чувства. Наверное, поэтому они и сблизились — между ними обнаружилось слишком много общего.

Кэндзяку не взялся бы судить, какая жизнь слаще — лесная или здешняя.

Там, среди деревьев, он мог днями напролёт резвиться с братом и А-Си. Здесь же, в цивилизации, перед ним открылись бескрайние просторы знаний и возможность ставить опыты на людях.

Любой уклад казался ему по-своему хорош, пока рядом оставался брат.

Но теперь Кэндзяку знал наверняка: брат собирается их предать.

Не так давно Кэндзяку случайно подслушал разговор брата с Сабору Годзё. А-Эр витал в облаках и не заметил притаившуюся за дверью тень. Годзё, конечно, сразу его почуял, но ему не было дела ни до кого, кроме своего собеседника. Маг лишь одарил Кэндзяку ледяным, равнодушным взглядом и тут же отвернулся, вновь уставившись на А-Эра.

Из их беседы Кэндзяку уяснил главное: ради своей великой, всепоглощающей цели А-Эру необходимо обрести долголетие с помощью проклятия Сабору Годзё. Ему нужно навсегда связать свою судьбу с этим человеком.

Он уходил.

Оставив их позади ради Сабору Годзё.

Возвращаясь к Сабору Годзё, А-Эр столкнулся в дверях с Кэндзяку.

— Брат!

Давно не видевшийся младший брат приветливо помахал рукой. На душе у А-Эра сразу потеплело, а тяжёлый осадок от недавней встречи с Наоей Дзэнъином испарился без следа.

— Как ты, Кэндзяку? Всё хорошо? — улыбнулся он в ответ.

— Вполне, — отозвался тот с неизменной улыбкой.

Они немного поболтали о всяких мелочах. А-Эр уже собирался было по-отечески пожурить брата, предостеречь от глупостей и опасных экспериментов над людьми, но вовремя вспомнил слова Сабору о нестабильности полупроклятий. Тревога шевельнулась в груди.

— Скажи... ты себя хорошо чувствуешь? Ничего не беспокоит?

Кэндзяку мгновенно уловил скрытый подтекст.

— Всё в порядке, не переживай, брат. Я уже нашёл способ закрепить своё состояние раз и навсегда.

А-Эр недоумённо прищурился, пытаясь расспросить подробнее, однако младший лишь загадочно улыбался и качал головой. Поняв, что ничего не добьётся, А-Эр вздохнул, как вдруг

Кэндзяку тихо, почти обыденно спросил:

— Но скажи... ты ведь уже решил нас оставить?

— С чего ты взял?

— Ты ведь обрёл ту самую великую цель, ради которой готов пожертвовать всем. А значит, ты больше не будешь принадлежать только мне.

А-Эр и не подозревал, что во время их прошлого разговора с Сабору за дверью грел уши его брат. Он решил, что Годзё сам разболтал лишнего, да и глупо было отрицать очевидное.

Чтобы в будущем не провести столетия в бегах от разъярённых шаманов, нужно было срочно сочинить убедительную легенду. Все и так считали их с А-Си отцом и дочерью — может, пустить слух, что он тоже унаследовал врождённое бессмертие?

Но ведь врождённый дар А-Си даровал лишь бессмертие, но никак не вечную молодость. Никто не знал, во что превратится её тело, когда дряхлость возьмёт своё. Самому же А-Эру, чтобы обмануть время, требовалось подпитывать свою проклятую суть. Духи не старели — они могли лишь погибнуть в бою.

Рано или поздно ему действительно придётся уйти в тень, раствориться среди людей, чтобы никто не заподозрил неладное.

А-Эр по-прежнему всем сердцем переживал за судьбу А-Си и Кэндзяку. Благо, спешить было некуда: времени, чтобы обеспечить им безбедную и спокойную жизнь, оставалось предостаточно.

И всё же Кэндзяку попал в самую точку. А-Эр больше не принадлежал ему одному. На его плечи легла иная ноша, куда более весомая, чем братский долг.

А-Эр промолчал, но его красноречивое молчание выдало его с головой. Кэндзяку понимающе кивнул.

— Знаешь, я тоже долго думал... и у меня тоже появилась цель, — мягко произнёс он.

В его голосе скользило странное, почти милосердное тепло, смешанное с чистым детским восторгом, с каким разглядывают диковинную игрушку. В этом существе непостижимым образом уживались божественное величие и леденящая душу жестокость.

Они действительно были родной кровью — два брата, порождённых единым кровавым месивом. И оба обладали безумным, извращённым воображением, рождавшим грандиозные замыслы.

— Ты жаждешь полностью уничтожить этот мир магии, — прошептал Кэндзяку. — Что ж, а я хочу подтолкнуть человечество к эволюции. Попробовать создать мир, где абсолютно каждый станет шаманом. Я приложу к этому все силы. И ты постарайся, братик. Кто знает, быть может, когда-нибудь мы сойдёмся в смертельной схватке.

Не дожидаясь ответа и не обращая внимания на ошеломлённый взгляд А-Эра, он развернулся и ушёл.

Поздно вечером А-Эр пришёл к Сабору Годзё. На душе у него скребли кошки. Сабору не стал расспрашивать о подробностях встречи с Наоей Дзэнъином — они просто сидели на веранде, молча созерцая бледный лик луны в ночном небе.

Разговор плавно перетёк на А-Си. Когда А-Эр упомянул трагическую гибель её сестры, Сабору задумчиво кивнул:

— Теперь понятно. Близнецы в нашем мире — явление исключительное. Особенно когда речь заходит о предсмертных проклятиях.

— Хотя, сдаётся мне, А-Си пала жертвой вовсе не чужого напутствия, — продолжил маг. — Врождённая техника предопределена свыше, она выжжена на самой плоти и душе, её невозможно изменить простым желанием.

— Она сама наложила на себя проклятие. Сестра просила её выжить, и А-Си, терзаемая чувством вины за то, что «предала» мёртвую и осталась невредима, взвалила на себя этот непосильный груз. Она заставила себя жить за двоих.

— Искреннее, глубокое самопроклятие. Настолько искажённые, изломанные чувства... Неудивительно, что именно она предначертала веку эволюции для целой эпохи. Настоящий шаман до мозга костей. Бессмертная техника в сочетании с запретом на смерть — иронично, не правда ли? Будто злой рок.

Моральные устои шаманов той эпохи разительно отличались от привычных человеческих ценностей. В голосе Сабору сквозило искреннее восхищение этой безумной драмой.

На сердце у А-Эра потяжелело. Он отчётливо видел, на какие муки обречена А-Си. Все его попытки образумить её или облегчить эту ношу разбивались о глухую стену — упрямством она превосходила даже самых закоренелых персонажей из тех игр, в которые он когда-то играл. Сдвинуть её с места не под силу было и упряжке волов.

Не думал он о той маленькой девочке, которую никогда не встречал, но чей образ невольно вставал перед глазами из рассказов А-Си. Малышка, ушедшая слишком рано, наверняка желала сестре лишь блага, даже не подозревая, что её прощальный шёпот обратится вечными оковами и выжжет на сердце А-Си неизгладимое клеймо.

Любовь и забота близкого человека обратились в ядовитое проклятие, которое А-Си добровольно поддерживала в собственной груди.

От этих мыслей становилось невыносимо горько.

— Значит, ты считаешь это проклятием? — негромко спросил А-Эр.

— Сидзу, — Сабору повернулся к нему, его глаза холодно блеснули в лунном свете. — Вся наша сила рождается из тёмных, грязных чувств. Но поверь мне: ничто не сравнится по своей уродливости и силе с тем проклятием, имя которому — любовь.

Встретившись взглядом с Сабору, А-Эр внезапно вспомнил предостережение А-Си: * «Держись подальше от этих двоих — от Годзё и Дзэнъина»*. И прежде чем успел прикусить язык, тихо спросил:

— А ты... проклял бы меня?

В его вопросе скользила шутливая интонация, но под ней пряталось робкое любопытство.

Сабору весело сощурился и рассмеялся:

— Я уже всю это делаю.

А-Эр лишь недоумённо изогнул бровь.

— Попался! Ха-ха! Видел бы ты своё лицо! Я пошутил, глупенький! Ну надо же, испугался!

Шутка вышла глупой и совсем не смешной. Но видя, как вечно отстранённый, надменный Сабору искренне дурачится, словно обычный мальчишка, А-Эр не стал обижаться.

Остаток ночи они провели в тишине, любясь залитым серебряным сиянием садом.

И лишь спустя два долгих года А-Эр наконец осознал истинный смысл его слов.

С той самой секунды, как А-Эр дал согласие на его безумное условие, Сабору Годзё неистово, обречённо и страстно накладывал на него своё самое страшное проклятие.